

Интеллектуальные компоненты личного советского опыта

Макаренко В. П.,
доктор философских и политических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета,
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: С. С. Неретина определила временной интервал между 1917 и 1991 годами как «советскую грязь» [Неретина С. С., 2012, с. 373], а внутреннюю политику нынешней России — как попытку сконструировать несоветское государство на усеченном неороссийском пространстве [Неретина С. С., 2012, с. 492]. Такой подход к оценке ситуации в стране совпадает с одной из общих констатаций Эрнста Юнгера: «Правительства сменяют друг друга, как членики ленточного червя; но их голова, их умопостигаемый характер остается прежним. Каждое новое пристраивает ряд новых камер к существующей тюрьме. Искусство государственного управления все более сводится к умению при всем при том создавать иллюзию свободы, а следовательно, главным средством наряду с полицией становится пропаганда» [Юнгер Э., 2007, с. 202]. Поэтому выявление и описание всего многообразия форм интеллектуального обеспечения взаимосвязи иллюзии свободы с полицейской и пропагандистской деятельностью становятся немаловажными задачами гуманитарного знания. В данной статье я попытаюсь нагрузить приведенные определения и констатации собственным опытом их осознания, пропущенным через размышления некоторых современников.

Ключевые слова: интеллектуальные компоненты, советский опыт, Советский Союз, сравнительный гуманизм, идеологический конформизм.

Золотари/сифилитики или чеканы/образцы?

На склоне СССР С. Липкин писал: «Сейчас критики режима из числа его создателей и слуг кручинятся по поводу того, что среди среднего, старшего и высшего состава руководителей растут шовинизм, стяжательство, жадность, грязного пошиба эпикурейство, полное равнодушие, презрение к всечеловеческой идее, да и вообще ко всякой идее. Как это ни странно, а нам, жителям, такая кажущаяся деградация приносит известное облечение, выход. Принципиальные изуверы досталинской эпохи и периода первых пятилеток были для населения хуже, вреднее нынешних алчных, продажных золоторотцев, не верящих ни в чох, ни в сон. Тело государства, пусть медленно, пусть

болезненно, освобождается от раковой опухоли путем заражения сифилисом. Благой путь!» [Липкин С. И., 1997, с. 98–99].

Как известно, «Закат Европы» О. Шпенглера породил целые библиотеки рефлексии, которая длится до сих пор. С. Липкин предлагает иной ход мысли: «закат СССР» интересен только специалистам по социальной медицине, изучающим «тело государства». В состав данного концепта со средних веков входит обсуждение свойств высшего лица государства и членов аппарата власти и управления. Этот концепт в рассуждении С. Липкина переплетен с идеей Б. Мандевиля: человеческие пороки необходимы для блага государства. И потому надо описывать процесс замены «принципиальных изуверов» первых десятилетий Советского Союза на «продажных золоторотцев» периода ее заката. Значит, **тело нынешнего российского государства — это синтез золотарей с сифилитиками. И потому лучше СССР.**

Бывший диссидент Г. Павловский думает иначе. В предисловии к книге Н. Н. Козловой он пишет: «Советское попросту отделилось и освободилось от ностальгии по СССР. И вырисовывается сокровище советской цивилизации, которое предстоит оценить. Она здесь, ее чеканы и образцы уже не выскоблить из опыта будущего человечества... Советская проблема возобновляется как проект справедливого глобального руководства, основанного на знаниях. Советский Союз — общемировой клад социальных, государственных и экзистенциальных моделей... Всякая государственная система в России, какой бы та ни была, будет основана на советском фундаменте, и работать будет с вечной библиотекой советских национальных и культурных образцов» [Павловский Г., 2005, с. 3–5]. Тоже известный ход мысли: **«лучший из миров» расположен в нашем хуторе; а то, что было вчера, лучше того, что есть сегодня. Поэтому СССР лучше России...**

Кто же прав — поэт или бывший советский диссидент? Журнал «Новое литературное обозрение» еще в начале нулевых годов посвятил им целых три номера. Причину такого внимания к этой группе людей редакция усматривала в нарастании политического и идеологического конформизма в России. Многие нынешние «властители дум», «люди пера и микрофона» славят «сильное государство», «великую Россию», забывая о человеке. Поэтому не мешает вспомнить диссидентов, которые отстаивали права личности на свободу и самостоятельный выбор идейных и жизненных ориентиров. Однако о преобразовании отдельных диссидентов в кремлевских политологов журнал **ничего не сообщал** [«Новое литературное обозрение», 2004].

Возникает вопрос: почему же бывший диссидент, а затем кремлевский политолог написал предисловие к исследованию покойной Наташи Козловой? Как известно, диссиденты, а вслед за ними и большинство журналистов квалифицировали советских людей как Homo soveticus. Н. Н. Козлова с этой тенденцией не была согласна. На основе анализа «Народного архива» (дневников простых советских людей) она описала **ментальную карту типов советских людей.**

Главнюки и проблема прощения

В состав данной карты входят следующие фигуры.

Бессознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел — стал читать Библию.

Верноподданный офицер после войны читал лекции на тему «Роль т. Сталина в организации ремонта бочек на фронте».

Профсоюзный деятель с полностью атрофированной социальной памятью.

Председатель колхоза — ярый сталинист.

Осведомитель НКВД носил под мышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Но текстов классиков марксизма так и не осилил. Под культурой понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы «погулять с ними с форсом».

Тупоголовый партийный и профсоюзный работник, который жил и мыслил в языке советских плакатов.

Простая женщина, для которой письмо «наверх» и «Отче наш» выступали в одной функции: как взывание к Богу.

Жертва режима (жена заключенного, а затем художница) стала элементом советского истеблишмента, клепала портреты советского великого кормчего как «самый ходовой товар»¹.

Бывшие люди (сложившиеся до 1917 г. деятели искусства — М. Булгаков, М. Горький, К. Чуковский, Л. Сейфуллина, Б. Пильняк, П. Корин, Д. Шостакович, А. Толстой и пр.) — славили советскую власть за деньги, дачу, квартиру².

Молодежь периода «застоя» превратила труд в абстрактную категорию, а досуг — в главное пространство общения.

Дети советской номенклатуры — новые буржуа, писатели, художники [Козлова Н. Н., 2005, с. 104, 217, 328, 360–361, 420].

Обратим внимание: большинство указанных типов состоит из советских малых и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Ни

¹ Эта дама считала вехи официальной истории СССР (революция 1917 года; преступления Сталина и коммунистической клики; ВОВ 1941–1945 гг.; распад великой державы в 1991 г.) главными событиями XX века.

² Они были носителями отъявленного цинизма. Вот его примеры. Чтобы получить государственный заказ на книжку о Сталине, М. Кольцов хотел использовать пионеров, которые собирались с визитом к Сталину и на встрече должны были выступить инициаторами заказа. А в 1934 г. Кольцов привез из Германии мальчика: «Никаких сантиментов тут нет. Мы заставим этого мальчика писать дневник о Советской стране и через полгода издадим этот дневник, а мальчика отошлем в Германию. Заработаем!» До 1938 г. шелковые чулки в Москве можно было купить только у жены Кольцова, который наладил конвейер из Испании (туда он ездил корреспондентом). В 1936 г. А. Ахматова поехала с Пильняком в открытой машине из Ленинграда в Москву. «Где-то под Тверью с ними случилась небольшая авария, пришлось остановиться и чинить машину. Сбежались колхозники. И легковая машина, и костюм Пильняка обнаруживали в нем советского барина. Это сразу вызвало вражду. Одна баба всю силу своего негодования обратила на Ахматову. «Это — дворянка, — угрожающе выкрикивала она, — разве вы не видите?» Короче говоря, в сознании колхозников образы «деятели культуры», партийного чиновника и «дворянки» слились воедино» [Козлова Н. Н., 2005, с. 387].

одного профессионала в карте нет. Значит, в соответствии с терминологией князя С. М. Голицына, прошагавшего рядовым всю войну, есть смысл назвать это большинство главнюками³.

Самое главное, считает Н. Н. Козлова, эти люди готовы были все *простить* государству в любой момент: «И этот момент прощения, восстановления попорченной было чести (отмена раскулачивания, возвращение отобранных избирательных прав, получение паспорта, проскальзывание на рабфак и тем более в вуз) для многих, вероятно, был переломным моментом в жизни, после которого они, благодарные, начинали этому государству служить — конечно, с разной степенью истовости» [Козлова Н. Н., 2005, с. 486].

Итак, **Н. Н. Козлова толкует ментальную карту советских людей на основе старой идеи о тождестве государства и типов людей.** Но Гегель, к примеру, ограничивал это тождество формами политического мышления (политическое умонастроение, корпоративный дух, государственный разум), образующими (по его мнению) предпосылку «разумного государства». К. Маркс отвергал и саму идею, и предпосылки. Н. Н. Козлова ничего не говорит о том, **насколько советское государство было «разумным».** А предлагает типологию, которая базируется на перевернутом критерии оценки — готовности индивидов стать главнюками и все простить государству.

Вдумаемся в этот вывод, претендующий на мудрость. Если человек незаслуженно нанес нам вред — мы используем необходимую оборону, и даже Уголовный кодекс на нашей стороне, не говоря о кровной мести. Если нас обидели государевы люди — мы обязаны им угождать, а не привлекать к ответственности. «Парадокс в том, — отмечает Н. Н. Козлова, — что советский модерн — это аппарат надзора и монополия государства на средства насилия». По мнению Козловой, социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. В постсоветской России происходит постоянная регенерация таких стратегий [Козлова Н. Н., 2005, с. 471–486].

Теперь понятно, почему будущему человечеству, от имени которого выступает Г. Павловский, надо ориентироваться на советские «чеканы и образцы». **Если воспользоваться терминологией «Народного архива», то будущее человечество должно состоять из «тайных собак» и «казенных попугаев» — тех, кто не понимает ничего, делает без рассуждения все, что ему прикажут, никогда не имеет собственного мнения и на все смотрит сквозь правительственные очки. Интеллектуальная обслуга Кремля настаивает на необходимости воспроизводства таких свойств и типов людей — советских чеканов и образцов. Видимо, такова сокровенная причина нынешней пропаганды ностальгии по советскому прошлому.**

Однако существуют и другие подходы к описанию истории, которые **позволяют поставить под вопрос саму идею тождества государства и типов людей.** Любое

³ Летом 1941 г., после нападения Германии на СССР, Главгидрострою НКВД было поручено организовать строительство «линии Сталина» на Западном фронте. «Беззаветных тружеников возглавляло всевозможное начальство: уполномоченные, особо уполномоченные, культурники, агитаторы, политработники, комиссары и всякие другие главнюки» [Голицын С. М., 2010, с. 31–32].

историческое событие никогда не постигается непосредственно и во всем объеме, а всегда воспринимается частично и косвенно, через документы и свидетельства. Оно всегда предполагает определенную точку зрения на события, есть нечто, что невозможно знать априорно. При этом всегда существует угроза подмены подлинных истин так называемыми «простыми истинами». **Банальность прошлого состоит из незначительных особенностей, которые, умножаясь, в конечном счете создают совершенно неожиданную картину** [Вен П., 2003, с. 7–11]. В книге Н. Н. Козловой содержатся и другие факты, на которые не обратила внимания ни она, ни певец «чеканов и образцов» советской цивилизации.

Духи предков и сравнительная продажность

Для первичной систематизации таких фактов воспользуюсь **опытом покойной мамы**. Она тоже была простым советским человеком. Чтобы не умереть с голоду (во время голодомора на Украине), переехала к старшему брату на Кубань. Ему дали там жилье после службы в Красной армии, во время которой он истреблял среднеазиатских басмачей. Жилья тогда на Дону, Кубани и в Крыму было много — целые станицы выселялись на север по причине сопротивления местного населения советской власти во время гражданской войны и коллективизации. Сегодня о «страшных тенях Украины, Кубани» можно прочесть у О. Э. Мандельштама, а о ситуации на Дону в 1930-е гг. — у В. Е. Бибикина [Мандельштам О. Э.; Бибикин В. В.].

После «освободительного похода» Красной армии на Западную Украину отца и мать как железнодорожников перебросили с Кубани в район бывшей (до 1939 г.) советско-польской границы. В начале германско-советской войны мама проделала длинный путь эвакуированного из Украины до Моздока. С детства рассказывала мне много того, о чем ничего не сообщали советские книги и газеты.

Из «Народного архива» я извлек подтверждение правдивости всех рассказов мамы. Вместе с отцом они заложили во мне основы осознания противоположности между официальной и подлинной советской жизнью. Поэтому особой новизны в архиве я не встретил. Скажу о некоторых точках соприкосновения.

Вот дама — жена заключенного — сообщает: пока ехали в эвакуацию по территории Украины, вопрос с ночлегом разрешался легко; только переехали границу Воронежской области — все изменилось: советских людей советские же люди держали на улице в холод; требовали деньги за ночлег; произошло нашествие вшей; вошебойка на вокзалах стала нормой [Козлова Н. Н., 2005, с. 347–352]. Подтверждение той же информации нетрудно обнаружить в мемуарах коренного москвича — бывшего студента МИФЛИ. Он вел дневник с начала и до конца войны, потом засунул его в чулан на пятьдесят лет, но недавно опубликовал. Среди прочего сообщает: «19.07.42 г. Мы уже в Ростовской области. Прощай, Донбасс, прощай, Украина!.. В ростовских хуторах население относится к нам совсем по-другому. На Украине каждый готов был отдать все, что у него было, и обижался, когда мы за это платили. Здесь без скандала нельзя достать глоток молока» [Стеженский В. И., 2005, с. 68].

Что можно извлечь из данных фактов: косвенный вывод о специфике реакции местных жителей на внутреннюю политику советской власти? Ожидание прихода вермахта и вытекающее отсюда нежелание общаться с эвакуированными? Или проблему **сравнительной жадности населения республик и регионов бывшего СССР?**

Мама называла «немецкими подстилками» женщин, которые не только не уехали в эвакуацию, но остались при немцах и спали с ними. Отношение к этим дамам было разным. Например, в Чехословакии после войны их водили по улицам под охраной милиции, на голове выбривали свастику, на грудь вешали фанерку со свастикой. В СССР ситуация была иной. В фольклоре есть песня о молодой девушке, которая «немцу улыбается и позабыла о своих друзьях». Об этом я узнал еще в детстве, при чтении книги Б. Горбатова «Непокоренные». Но за всю жизнь мне еще не попадалось воспоминаний тех женщин, которые сожительствовали с оккупантами. Правда, помню, что в какой-то книге сообщалось о реакции одной из артисток Франции, которая на послевоенные обвинения ответила: «Сердце мое принадлежит Франции, а задница интернациональна». Интересно было бы узнать мнение современных феминисток на этот счет...

Из нынешних книг известно, что только в Харькове «подстилки» родили 60 тысяч фрицевского отродья. Статистики о поведении ростовских женщин во время оккупации не встречал. Хотя историки сообщают: в газете «Голос Ростова» уже в начале второй германской оккупации было объявление о том, что «...публичному дому для немецких солдат требуются сто красивых девушек. В первый же день было 300 заявлений» [Смирнов В. В., 2006, с. 173]. Однако до сих пор не слышал, чтобы этих дам советская власть подвергала уголовной или гражданской казни. Первая капитальная монография о коллаборационизме в Европе и СССР есть, но в ней об этом ничего не сообщается [Семиряга М. И., 2000; Смирнов В. В., 2006]. **Значит, надо обратиться к свидетельствам о гуманизме населения и власти во время войны.**

Вот первый факт. После разгрома немцев под Москвой поэт Н. Н. Асеев вместе с главным писателем А. А. Фадеевым отправился в прифронтовую зону, в места, только что освобожденные от врага. «И там в одной из освобожденных деревень он увидел местных деревенских ребятишек, которые лихо скатывались с обрыва на обледеневших немецких трупах — как на салазках. Макабрическое зрелище это привело старого поэта в ужас, и своими мыслями по этому поводу он поделился с Фадеевым. Фадеев на него наорал, обозвав абстрактным гуманистом и жалким интеллигентиком, не способным разделить чувство священной ненависти к врагу, которым охвачен весь советский народ, включая малых детей» [Сарнов Б. М., 2005, с. 91–92].

Второй факт. После первой публикации фотографии З. Космодемьянской в газете многие женщины признали в ней якобы свою дочь. Однако после первой эксгумации никто из прибывших матерей не опознал в трупе своей дочери. А после второй (когда З. Космодемьянской уже присвоили звание Героя Советского Союза) у нее оказалось сразу несколько матерей [Звягинцев В. Е., 2006, с. 16].

Для характеристики гуманизма «великого Сталина», учредившего орден «Мать-героиня», приведу **третий факт.** Согласно инструкции, многодетной матери для получения пособия надо было совершить следующие действия: «Государственное

пособие выдается каждой матери, имеющей не менее семи детей, из которых младшему менее пяти лет. Не принимаются в расчет умершие дети, а также пасынки и падчерицы, дети усыновленные и дети, являющиеся иностранными подданными. Выплата государственного пособия прекращается: а) в случае смерти ребенка, на которого назначено пособие; б) в случае смерти кого-либо из других детей многодетной матери, если в связи с этим число оставшихся в живых детей окажется меньше семи человек. В случае смерти матери выплата пособия прекращается. К заявлению должны быть обязательно приложены свидетельства о рождении. В случае невозможности представить подлинное свидетельство о рождении факт принадлежности матери данного ребенка должен быть удостоверен народным судом. Кроме того, к заявлению обязательно должны быть приложены: в сельской местности — протокол заседания сельского Совета, и в городской местности — справка, выданная органами Рабоче-крестьянской милиции, удостоверяющая число детей данной матери. На детей, проживающих отдельно, мать должна представить справки о нахождении их в живых. Справки должны быть датированы не раньше, чем за три месяца до подачи заявления. В случае возникновения сомнений работник бюро ЗАГСа обязан провести проверку их путем наведения справок в книгах и архивах органов ЗАГСа. Районное или городское бюро ЗАГСа составляет заключение и направляет его со всеми документами в районный исполнительный комитет или городской совет. В случае сомнения районный исполнительный комитет или городской совет назначает повторную проверку. При получении личной книжки мать обязана дать подписку о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, к моменту получения этой книжки находятся в живых и что она предупреждена об ответственности за дачу неправильных сведений. При получении государственного пособия за второй и следующий годы многодетная мать должна вновь представить в городской или районный финансовый отдел справку районного или городского бюро ЗАГСа о том, что все ее дети, принятые в расчет при назначении пособия, находятся в живых. Районное или городское бюро ЗАГСа выдает эту справку лишь при представлении матерью всех протоколов и справок, указанных в ст. 8» [Паперный В. З., 1996, с. 302–303].

Ученые из других краев могут поискать аналогичные примеры у себя на родине... Для облегчения задачи жителям стран бывшего советского лагеря можно воспользоваться мемуарами графини Л. А. Успенской. Она сообщает, что после гражданской войны в России жизнь русской эмиграции в Праге была самой неинтересной, а Прага — тоскливый город, поскольку там живут чехи. В доказательство приводит две истории.

«Там был такой обычай — что когда какая-нибудь девица хочет выйти в люди, она находит себе жениха и оплачивает его учение. Если ему не на что учиться... И они договариваются, он кончает учение, и они женятся. И вот, у брата был товарищ, чех, который был под таким обязательством. И она ему высылала каждый месяц столько-то денег, и все. И за три месяца до окончания он влюбился по-настоящему. Он к ней поехал и сказал: «Я тебе все верну. Меня уже ждет работа. И моя невеста тоже работает. Я тебе обязуюсь все вернуть». Но она ему сказала: «Нет. Договор есть договор». И он пошел и зарезался... И когда его хоронили, то огорчались два человека — мой брат и еще один

русский, который там учился. Все остальные говорили: «Какой подлец! Как он девушку подвел — взял ее приданое, и теперь у нее нет ни жениха, ни денег». Такие вот нравы. На этом фоне мы, русские, как-то не вписывались в это все совершенно.

Один молодой человек поехал с девицей на мотоциклете. Доехали они до какой-то полянки, он сказал: «Ну давай, ложись!» А она говорит: «Нет». Он ей: «Ах ты, бесстыдница, я истратил на бензин столько-то, а ты что!» Все рассчитывалось так... Такое скотство было распространено с пятнадцати лет. И там часто удивлялись: «Он с ней ходил с пятнадцати лет, а потом еще на ней женился. Подумайте, какой хороший человек!» [Интервью с Лидией Александровной Успенской, 2004, с. 322, 329–330].

Значит, тема сравнительного гуманизма СССР и других стран, а также внутренней (своему правительству) и внешней (чужому оккупанту) продажности славянских народов тоже назрела...

После взятия Советской армией Черновцов на улицах не было ни народа, ни привычных для СССР портретов. Правда, над горсоветом повесили лозунг «Слава советским воинам!», а на входе в винный магазин и в венерический диспансер — «Добро пожаловать, советские воины!». Одновременно в город налетела «саранча» из Свердловска и других городов СССР, чтобы раскупить квартиры выселенных румын и поляков по дешевке, поскольку по документам продавались не квартиры или дома, а имущество [Интервью с Лидией Александровной Успенской, 2004, с. 102–103].

Нельзя ли предположить, что комплекс вопросов, вытекающий из таких фактов, позволит лучше описать «чеканы и образцы» советской цивилизации, за воспроизводство которых ратует политолог из Кремля?

Выбиться в люди...

Нуждается в конкретизации **концепт homo soveticus**, с которым полемизирует Н. Н. Козлова. Б. А. Грушин на основе сорокалетних исследований массового сознания показал, что СССР включал в себя две реальности: обычную жизнь; строительство нового общества. Все население делилось на три типа: homo sapiens жил в первой реальности; homo communisticus — во второй; homo soveticus жил одновременно в двух мирах.

На этой основе возникла новая порода человеческих особей: по анатомии и физиологии они были homo sapiens, но отличались от человека разумного советским менталитетом — способом чувственного восприятия мира и суждений о нем. Этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался всей системой воспитания и до поры до времени бесконфликтно совмещал в себе представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но с первого и до последнего года существования советской власти существовал *разрыв* во взглядах между homo communisticus и homo sapiens. Те, кто не поддавался на удочку коммунистической пропаганды, реализовывали собственные, а не общественные цели. Это обстоятельство порождало конфликты в советском менталитете.

Первый конфликт связан с волей и готовностью к переменам. Здесь противостояли друг другу два типа сознания (позитивное полагало, что такие перемены необходимы; негативное отрицало эту необходимость) и два субъекта-носителя: часть молодежи из

состава комсомольских активистов; все остальные слои и группы населения, начиная с последних рядовых граждан и кончая первыми лицами партии и государства. Окончательная победа оказалась за первыми. Секретари райкомов и горкомов ВЛКСМ были связаны между собой. **А в годы, предшествовавшие началу перестройки, многие из них переместились в КГБ и смогли воспользоваться в личных целях начавшимися в стране преобразованиями.**

Второй конфликт — между народом и властью. Носителями советского менталитета были работники органов управления. Их деятельность осуществлялась по законам массового поведения и не опиралась на профессиональные знания и умения. Конфликт сводился к вопросу: кто в стране правит — народ или власть?

При сталинизме вопрос решался в пользу власти; народ не мог заикнуться о своих намерениях участвовать в решении вопросов общественной жизни. Но в эпоху застоя сталинизм начал дышать на ладан. Рядовые трудящиеся начали полемику с властью. Вначале она была скромной, затрагивала частные сюжеты. Потом превратилась в громогласную, по широкому кругу проблем.

Большинство управленцев прошли сталинскую школу власти. И потому всеми силами пытались задержать вторжение народных масс в управление. Но Агитпроп уже не мог добиться тотального контроля над умами простых смертных и над СМИ. Отсюда вытекает **парадокс современного этапа развития России: органы власти не справились с проведением реформ, которые замышлялись для преодоления бедственной экономической ситуации и повышения уровня жизни населения; массы населения не смогли добиться успеха в борьбе с властью. Они не владели азами борьбы за свои интересы. Поэтому их протест не содержал реальной угрозы советской власти.**

Таким образом, застой означал не остановку в развитии, а вступление советского общества в последнюю стадию жизни, завершившуюся смертью [Грушин Б. А., 2006, с. 839–879].

Такова социологическая констатация итога деятельности советских людей. Значит, стремление «выбиться в люди» (т. е. быть поближе к власти) с одновременным прощением государству на деле оказалось предпосылкой смерти советского общества. Таково одно из политических непредвиденных следствий верноподданнической морали, не замеченное Н. Н. Козловой.

Комментарий историка

Откуда же взялся сам концепт «ментальной карты», который Н. Н. Козлова использует для толкования фактов? Слово «ментальность» пустил в оборот Арон Яковлевич Гуревич в 1960-е гг.: «Теперь слово это так опошили, что я, как историк, боюсь лишний раз его произносить, потому что могут неправильно понять — имею ли я в виду категорию исторического знания или же то, о чем уже с думской трибуны говорят: «Нам менталитет русского народа не позволяет...» [Гуревич А. Я., 2004, с. 115].

Незадолго до смерти Гуревич опубликовал мемуары, в которых изложил свой опыт жизни гражданина, прожившего жизнь в СССР⁴.

Начну с общей оценки истории СССР и второй мировой войны. Гуревич полагает, что криминализация страны началась не в течение последнего десятилетия, а была подготовлена разрухой после Февральской революции, усилена Октябрьской революцией 1917 года и победила при Сталине. Сталинский аппарат власти и управления — это преступники, которые «...прикрылись мундирами, воинскими и партийными званиями и выстроились в возглавляемую паханом иерархию» [Гуревич А. Я., 2004, с. 87]. Уже во время Потсдамской конференции лидеров антигитлеровской коалиции английские граждане проголосовали против Черчилля. Политическая активность англичан контрастировала с пассивностью наших отцов и дедов. «Теперь было совершенно очевидно, — пишет историк, — что **победивший Гитлера советский народ проиграл войну — проиграл в том смысле, что был не в состоянии воспользоваться военной победой для демократического преобразования собственной родины**» [Гуревич А. Я., 2004, с. 85–87].

Таков парадокс: побежденные страны (Германия, Япония, Италия) после искоренения фашистских, нацистских и милитаристских режимов были поставлены перед необходимостью пойти по пути демократизации. **«Страна же, которая принесла наибольшие жертвы в годы Второй мировой войны и заплатила за победу беспримерную цену, оказалась побежденной собственным режимом»** [Гуревич А. Я., 2004, с. 87].

Когда же именно у людей поколения А. Я. Гуревича начали открываться глаза на то, что общество, которое официально называется самым прогрессивным, на деле представляет собой нечто совершенно иное? Возможны разные ответы: доклад Хрущева; события в Венгрии; события в Чехословакии; горбачевская перестройка. Так или иначе, ответ на вопрос связан с генезисом механизмов культурного сопротивления советской власти. В ответе историк повторил то, что мне с детства рассказывала мама. Она видела, как представители власти первыми бежали от немцев, оставляя население на произвол судьбы. И говорила мне: «Я была такая преданная советской власти до войны, а после войны не верю ей ни на грош». Гуревич тоже пишет, что у людей, с которыми он был духовно связан, уже во второй половине 40-х годов не возникало никаких сомнений относительно советской действительности: **«Законченно критическое, негативное отношение к нашему общественному строю установилось у меня только в 1945 году»** [Гуревич А. Я., 2004, с. 80].

⁴ Обычно мемуары пишут представители интеллектуальных, научных, политических и прочих элит. У каждой из них свой жизненный опыт и восприятие прошлого. С точки зрения источниковедения самым ущербным в содержании воспоминаний является их деформация и модернизация с течением времени. Мемуары отражают личность человека и историческое сознание общества в момент их написания, а не во время описываемых событий [Источниковедение, 2004, с. 270–277].

При этом важную роль играли следующие факторы.

Отношение к общественной жизни СССР 1950–1980-х гг.: «Мы знали, что в общественной жизни нельзя принимать никакого участия, потому что это негигиенично и ни к чему хорошему не приведет» [Гуревич А. Я., 2004, с. 240].

Квалификация советского научного сообщества. Из мемуаров можно узнать много полезного о советской исторической элите, центральных структурах исторической науки, советских предпосылках современного научного сообщества России. Е. А. Косминский считал академическую элиту камарильей, которая отплясывала свой танец под эгидой Отдела науки ЦК КПСС. Академик С. Д. Сказкин до последнего дня сохранял в медиевистике неограниченную монополию власти — занимал несколько должностей. Одновременно это был человек, «абсолютно управляемый всеми, кто имел отношение к власти, к авторитету, кто мог внушить ему некоторый трепет, — а его легко было напугать». Н. А. Сидорова больше всех способствовала вырождению медиевистики в Москве. Когда А. А. Зимин опубликовал работу о проблеме происхождения, датировки и подлинности «Слова о полку Игореве», на него обрушились академики Д. С. Лихачев и Б. А. Рыбаков. «Историки — народ вообще пуганный», — так квалифицирует советское историческое сообщество А. Я. Гуревич [Гуревич А. Я., 2004, с. 20, 40, 137, 148, 158].

Центральные структуры исторической науки культивировали **холуяж и бездарность**. Институт всеобщей истории АН СССР был пристанищем детей и родственников высокопоставленных лиц. Послы, министры, секретари ЦК пристраивали своих бездарных чад в академических институтах. Простому смертному прийти туда было невозможно. В результате даже оценка аспиранту могла стать причиной склоки и партийного разбирательства. МГУ отличался крайним консерватизмом в сфере гуманитарных исследований. Ведущие ученые там не работали [Гуревич А. Я., 2004, с. 143–144, 164, 170].

Но **академики-философы** были еще хуже, поскольку эксплуатировали чужой интеллект. А. И. Рубин переводил сочинения зарубежных мыслителей, но публиковались эти переводы под фамилией «официального философа» Г. Ф. Александрова. Однажды в Институт философии приехал французский философ и обнаружил, что там есть неокантианцы, позитивисты, логические позитивисты, гегельянцы, младогегельянцы, но марксистов не оказалось. Однако на Гуревича не повлияла даже «прогрессивная философская мысль» СССР. А тексты Э. В. Ильенкова его вообще разочаровали. «Я видел, что трудившиеся в этом институте профессиональные философы, даже наиболее продвинутые среди них, умные, талантливые, имеют один коренной недостаток — они верхогляды... Здесь царило пренебрежение к историкам, которые занимаются фактами. Историк своим конкретным материалом сыпал песочек в их замечательные буксы» [Гуревич А. Я., 2004, с. 128–129].

Не менее показателен генезис современной российской культурологии. В 1966 г. сталинский академик П. Ф. Юдин закончил все виды своей партийной, идеологической и дипломатической карьеры. Окопался в секторе истории мировой культуры в Институте философии АН СССР и задумал четырехтомное издание «История мировой культуры». Так возникало современное научное сообщество. Сразу после войны научным работникам

резко повысили заработную плату. Среди историков появилась шутка: «год великого перелома» в истории СССР имел место дважды — в 1930 году середняк пошел в колхоз; после войны «середняк пошел в докторантуру». Стало выгодно защитить докторскую диссертацию любой ценой. Это открывало возможность занять профессорское место, дававшее привилегии и регалии. Теперь не научное призвание и способности двигали многими, но чуждые науке интересы. Этические требования в научной среде были разрушены. Кандидаты наук могли вообще не знать ничего. А докторскую диссертацию один из знакомых автора изготовил так: «оторвал корешок у своей кандидатской и заменил первую страницу, где было сказано, что это диссертация на соискание ученой степени кандидата наук» [Гуревич А. Я., 2004, с. 127]. Советская власть разрушила научные школы. В результате произошло катастрофическое падение научного уровня исторических исследований, резкое сужение проблематики, культивирование цинизма и безнравственности среди ученых.

Важным компонентом культурного сопротивления является характер ученого — его умение идти против течения. Компоненты научной интуиции — ум, интерес к работе, трудолюбие, а главное — открытость для новых идей и фактов, при которой рушится всякий догматизм. Не надо идти на компромиссы: «Пример немалого числа окружающих, которые склонны были проявлять гибкость, простирающуюся вплоть до беспринципности, постоянно был перед моими глазами и служил предостережением». А. Я. Гуревич пишет, что ему приходилось подвергать свое сознание коренной перестройке почти в полном одиночестве и в обстановке нарастающей настороженности коллег: «Поэтому столь важным было не поддаться господствующим умонастроениям и не побояться поступать наперекор общепринятым установкам, научным и идеологическим». «Когда речь идет об острых научных и идеологических вопросах, ученому надлежит четко обозначить свои позиции и не идти ни на какие компромиссы, если только они не диктуются научными соображениями». «Вскоре я обнаружил, что гораздо большую отдачу я могу получить от людей, находящихся на периферии исторического знания, нежели от иных своих собратьев-историков» [Гуревич А. Я., 2004, с. 118, 119, 195, 196].

Существенное значение имеет также выбор направления исследований, противостоящего популярным темам, главенство научных занятий над повседневной жизнью. В 1960-е гг. «...я ощущал настоящее раскрепощение и чувствовал, что нащупал очень важную стезю для научных занятий, с которой меня уже нельзя свернуть, и никакие критические замечания и угрозы на меня подействовать не могут». «Неизбежная сращенность, органическая связь человека и его творчества мне кажутся очень существенными... Ум никому не помешал, но главное для человека — его характер». «Никогда роман с женщиной не доставлял мне стольких переживаний, сколько отношения с учителем». «Моя жизнь текла между трудами и трудами». «Специально путешествовать по какой-нибудь привлекательной стране у меня не было особого желания». И в более поздние годы А. Я. Гуревич ездил на Запад работать, а не веселиться. Едва работа кончалась, возвращался в свои пенаты [Гуревич А. Я., 2004, с. 136, 147, 152, 227, 241].

В целом самостоятельность ученого заключается не в абсолютной самобытности его идей, а в его способности разделить учение наиболее перспективного и плодотворного научного направления своего времени и сделать в него свой вклад. Попутно А. Я. Гуревич сообщает, что продуктивность научных конференций и конгрессов, где присутствуют несколько тысяч человек, ниже нуля, научные вопросы на таких «митингах» почти не обсуждаются [Гуревич А. Я., 2004, с. 227, 165].

Все указанные качества советского научного сообщества воспроизводятся в современной России: «Эта внутренняя разобщенность, неспособность объединиться на чисто научной почве является <...> одним из важнейших препятствий для развития гуманитарного знания у нас... В наших постсоветских условиях, когда нам достались в наследство далеко не самые лучшие научные традиции, эта забота приобретает принципиальное значение» [Гуревич А. Я., 2004, с. 172–173].

Таким образом, А. Я. Гуревич реализует совершенно иное отношение к «чеканам и образцам советской цивилизации» по сравнению с тем, которое пропагандирует Г. Павловский.

Одновременно историк приводит факт, который позволяет приоткрыть сокровенный смысл призывов к воспроизводству советских «чеканов и образцов. Коммунистическая аудитория располагалась в старом здании МГУ. После войны перед зданием воздвигли статую Ломоносова. Великий ученый стоял, прижимая к боку большой свернутый свиток. Студенты, прогуливая подруг вокруг монумента, останавливали их за плечом гиганта русской науки: «Если ракурс был выбран удачно, перед ничего не подозревающими зрителями свиток превращался в колоссальный фаллос» [Гуревич А. Я., 2004, с. 74]. В 1960-х гг. статую заменили сидящим Ломоносовым.

Неужели борцы за возврат к советскому прошлому хотят опять воздвигнуть стоячего Ломоносова?..

Литература

1. Бибихин В. В. Ужасные вещи. Электронный ресурс: http://www.bibikhin.ru/uzhasnyi_veshi (дата обращения: 04.11.2021).
2. Вен П. Как пишут истории. Опыт эпистемологии. — М., 2003. — 396 с.
3. Голицын С. М. Записки беспогонника. — М.: Русский мир, 2010. — 608 с.
4. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина / В 4 кн. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2). — М., 2006. — 464 с.
5. Гуревич А. Я. История историка. — М., 2004. — 296 с.
6. Звягинцев В. Е. Война на весах Феиды. Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. — М., 2006. — 410 с.
7. Интервью с Лидией Александровной Успенской (1906 г. р., урожденной Мягковой). Интервьюер Софья Чуйкина // Ab Imperio. — 2004. № 1. — С. 322–330.
8. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под ред. А. К. Соколова. — М., 2004. — 238 с.
9. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. — М., 2005. — 544 с.

10. Липкин С. И. Квадрига. Повесть. Мемуары. — М., 1997. — 640 с.
11. Мандельштам О. Э. Старый Крым. Электронный ресурс: <https://www.culture.ru/poems/41565/staryi-krym> (дата обращения: 04.11.2021).
12. Неретина С. С. Воскресение политической философии и политического действия. Парижское восстание 1356–1358 гг. — М.: Голос, 2012. — 388 с.
13. Неретина С. С. Были ли революционеры контрреволюционерами? // В кн.: Макаренко В. П. Практикующие гегельянцы и социальная инерция: фрагменты политической философии М. К. Петрова. — Ростов-на-Дону, Изд-во МАРТ, 2013. — 537 с.
14. Новое литературное обозрение. — 2004. № 66/2, 67/3, 68/4.
15. Павловский Г. Жизнь в СССР и «советская проблема» // Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. — М., 2005. — 544 с.
16. Паперный В. З. Культура Два. — М., 1996. — 650 с.
17. Писатели-диссиденты // Новое литературное обозрение — 2004. № 66/2, 67/3, 68/4.
18. Сарнов Б. М. Скуки не было. Вторая книга воспоминаний. — М., 2005. — 736 с.
19. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. — М., 2000. — 865 с.
20. Смирнов В. В. Ростов под тенью свастики. — Ростов-на-Дону, 2006. — 192 с.
21. Стеженский В. И. Солдатский дневник. Военные страницы. — М., 2005. — 240 с.
22. Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 — декабрь 1948) / Пер. с нем. И. П. Стребловой. — СПб.: «Владимир Даль», 2007. — 366 с.

References

1. Bibikhin V. *Uzhasnye veshchi* [Terrible things]. URL: http://www.bibikhin.ru/uzhasnyi_veshi, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)
2. *Pisateli Dissidenty* [Dissident Writers]. In *New Literary Review...* 2004. Vol. 66/2, 67/3, 68/4. (In Russian.)
3. Golitsyn S. *Zapiski bespogonnika*. [Desolate notes]. Moscow: Russkiy Mir, 2010. 608 p. (In Russian.)
4. Grushin B. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshhestvennogo mnenija. Ocherki massovogo soznaniya rossijan vremen Hrushheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'cina* [Four Russian lives in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians in the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin]. In 4 books. 2nd life. The era of Brezhnev (part 2). Moscow, 2006. 464 p. (In Russian.)
5. Gurevich A. *Istoriya istorika* [History of the historian]. Moscow, 2004. 296 p. (In Russian.)
6. *Interv'ju s Lidiej Aleksandrovnoj Uspenskoj* [Interview with Lydia Alexandrovna Uspenskaya (born in 1906, nee Myagkova)]. Interviewer Sofya Chuikina. *Ab Imperio*. 2004. Vol. 1, pp. 322–330. (In Russian.)
7. Jünger E. *Gody okkupacii (aprel' 1945 — dekabr' 1948)* [The years of occupation (April 1945 — December 1948)], trans. by I. P. Streblova. St. Petersburg: "Vladimir Dal", 2007. 366 p. (In Russian.)

8. Kozlova N. *Sovetskie ljudi. Sceny iz istorii* [Soviet people. Scenes from history]. Moscow, 2005. 544 p. (In Russian.)
9. Lipkin S. *Kvadriga. Povest'. Memuary* [Quadriga. The story. Memoir]. Moscow, 1997. 640 p. (In Russian.)
10. Mandelstam O. *Staryj Krym* [Old Crimea]. URL: [<https://www.culture.ru/poems/41565/staryi-krym>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)
11. Neretina S. *Voskresenie politicheskoj filosofii i politicheskogo dejstvija. Parizhskoe vosstanie 1356–1358 gg.* [Resurrection of political philosophy and political action. The Paris uprising of 1356-1358]. Moscow: Golos, 2012. 388 p. (In Russian.)
12. Neretina S. *Byli li revoljucionery kontrrevoljucionerami?* [Were the revolutionaries counter-revolutionaries?], in: V. P. Makarenko. *Practicing Hegelians and Social Inertia: Fragments of the Political Philosophy of M. K. Petrov*. Rostov-on-Don, MART Publishing House, 2013. 537 p. (In Russia.)
13. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review]. 2004. Vol. 66/2, 67/3, 68/4. (In Russian.)
14. Paperny V. *Kultura dva* [Culture Two]. Moscow, 1996. 650 p. (In Russian.)
15. Pavlovsky G. *Zhizn' v SSSR i «sovetskaja problema»* [Life in the USSR and the "Soviet problem"], in: Kozlova N. *Soviet people. Scenes from history*. Moscow, 2005. 544 p. (In Russian.)
16. Sarnov B. *Skuki ne bylo. Vtoraja kniga vospominanij* [There was no boredom. Second book of memories]. Moscow, 2005. 736 p. (In Russian.)
17. Semiryaga M. *Kollaboracionizm. Priroda, tipologija i projavlenija v gody vtoroj mirovoj vojny* [Collaboration. Nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow, 2000. 865 p. (In Russian.)
18. Smirnov V. V. *Rostov pod ten'ju svastiki* [Rostov under the shadow of the swastika]. Rostov-on-Don, 2006. 192 p. (In Russian.)
19. *Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika* [Source study of the modern history of Russia: theory, methodology and practice], ed. by A. K. Sokolov. Moscow, 2004. 238 p. (In Russian.)
20. Stezhensky V. *Soldatskij dnevnik. Voennye stranicy* [Soldier's diary. Military pages]. Moscow, 2005. 240 p. (In Russian.)
21. Wen P. *Kak pishut istorii. Opyt jepistemologii* [How stories are written. Experience in epistemology]. Moscow, 2003. 396 p. (In Russian.)
22. Zvyagintsev V. *Vojna na vesah Femidy. Vojna 1941–1945 gg. v materialah sledstvenno-sudebnyh del* [War on the scales of Themis. War 1941-1945 in the materials of investigative-court cases]. Moscow, 2006. 410 p. (In Russian.)

Intellectual components of personal Soviet experience

V. P. Makarenko,

Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor, Chief Researcher,
Institute of Philosophy, Social and Political Sciences
Southern Federal University,
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: S. S. Neretina defined the time interval between 1917 and 1991 as “Soviet dirt” [Neretina S., 2012, p. 373], and the internal politics of today's Russia as an attempt to construct a neo-Soviet state on a truncated neo-Russian space [Neretina S., 2012, p. 492]. This approach to assessing the situation in the country coincides with one of the general statements of Ernst Jünger: Governments replace each other, like segments of a tapeworm; but their head, their intelligible character, remains the same. Each new one adds a number of new cells to the existing prison. The art of public administration is increasingly reduced to the ability, with all that, to create the illusion of freedom, and, therefore, along with the police, propaganda becomes the main tool [Yunger E., 2007, p. 202]. Hence, the identification and description of the entire variety of forms of intellectual support for the relationship of the illusion of freedom with police and propaganda activities becomes an important task of humanitarian knowledge. In this article I will try to load the given definitions and statements with my own experience of comprehending them passed through the reflections of some contemporaries.

Keywords: intellectual components, Soviet experience, Soviet Union, comparative humanism, ideological conformism.